

Андрей Ранчин

Иосиф Бродский: преодоление имперского

Andrey Ranchin

Joseph Brodsky: Overcoming the Imperial

Андрей Ранчин (Московский государственный университет, профессор / Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, ведущий научный сотрудник; доктор филологических наук) aranchin@mail.ru.

Andrey Ranchin (Dr. habil.; Professor, Moscow State University / Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences) aranchin@mail.ru.

Ключевые слова: имперское, колониализм, ориентализм, цивилизация, варварство, пространство, одическая традиция

Key words: imperial, colonialism, orientalism, civilization, barbarism, space, odic tradition

УДК: 82.091+82-311.6

DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_282

UDC: 82.091+82-311.6

DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_282

Статья посвящена соотношению антиимперских и имперских мотивов в творчестве Иосифа Бродского. Поэт безусловно отрицал Империю как воплощение тоталитарного начала, о чем свидетельствует образ Римского государства в его стихотворениях; Рим здесь во многом является аллегорией Советского Союза. Так понимаемой Империи Бродский противопоставляет позицию частного человека и поэта. Имперское начало в творчестве Бродского не было полностью преодолено. Однако имперскость у поэта лишена собственно политического элемента и апелляции к истории. Воспоминание о прошлом является у него не основанием для пестования национальной гордыни, а напоминанием об исторической вине.

The article is devoted to the relationship between anti-imperial and imperial motifs in the works of Joseph Brodsky. The poet certainly denied the Empire as the embodiment of a totalitarian principle, as evidenced by the image of the Roman state in his poems; Rome here is in many ways an allegory of the Soviet Union. Brodsky contrasts the position of the Empire with the position of a private person and a poet. The imperial element in Brodsky's work was not completely overcome. However, the poet's imperialism is devoid of a strictly political element and an appeal to history. For him, the memory of the past is not a basis for nurturing national pride, but a reminder of historical guilt.

Вначале необходимо определить значение используемых мною понятий *имперское* и *имперскость*. Под ними очень часто подразумевается этатизм, государственнический культ, или милитаризм. *Имперское* и *имперскость* в традиционном понимании, которое я принимаю, характеризуется признанием территориальной экспансии как сущностного свойства государства и, соответственно, его протяженности как абсолютной ценности и колониалистскими политикой и культурным сознанием, основанными на оппозиции *метрополия* — *колонии*, в которой второй элемент признается неравным первому, отличается недостаточностью, ущербностью. Авторитарный или тоталитарный характер власти, который часто ассоциируется с имперскостью, в число ее обязательных признаков не входит. (Хотя у Иосифа Бродского лексема *империя/Империя* этими коннотациями обычно наделена.) Такое (достаточно строгое) понимание теоретически может не совпадать с осмыслением имперского, при-

сущего тому или иному писателю. Но трактовка имперского начала Бродским как будто бы в целом вписывается в рамки этого осмысления.

Йенс Херльт обратил внимание на парадокс, характеризующий отношение поэта к идее империи:

У Бродского империя играет двойственную роль. С одной стороны, в ней воплощены враждебные поэзии (и самому поэту) начала власти, контроля, бюрократизма и т.д. Такой империя выступает у Бродского с середины 1960-х гг., гримируясь в тогу Римского государства <...> С другой стороны, империя осмысливается позитивно. Себя Бродский считал имперским поэтом. Империя — гарантия культуры в мире варварства. <...> Империя предстает как некая центростремительная сила, без которой нет цивилизации. <...> Разумеется, когда империя тотальна и вседуша, она утрачивает положительный смысл, превращаясь в абсурд (пьеса «Мрамор»)¹. Вместе с тем отрицательный вариант империи проецируется у зрелого Бродского на Восток (Византия, Османская империя, Советский Союз), тогда как позитивное начало связано с западно-римской империей [Херльт 2022: 218].

Эта характеристика, отчасти верная в самых общих чертах, весьма неточна в деталях и несколько противоречива. (Впрочем, противоречия в этом описании отчасти обусловлены сложностью и неоднозначностью его предмета.) Римская империя в «Post aetatem nostram» (1970) и в «Письмах римскому другу» (1972), как, впрочем, и в значительно более поздних драме «Мрамор» (1982) или в стихотворении «Бюсту Тиберия» (1981), по словам самого же исследователя², наделена однозначно негативной оценкой, что едва ли позволяет согласиться с утверждением о ее соотнесенности с позитивным началом. Можно возразить, что в ранних стихах Римская империя не более чем аллегория советской реальности. Однако если это даже и так (а это не совсем так), важно, что именно может составить план выражения в такой аллегории. Для сравнения: Лермонтов написал «Жалобы турка», подразумевая Россию, но исходя из традиционного представления об Османской империи как об «идеальной» деспотии.

Оппозиция *Рим — Восток* (Византия, Османская империя, Советский Союз) представлена в одном-единственном эссе «Путешествие в Стамбул» (1985)³, которое в идейном плане отчасти уникально: в нем содержится негативная оценка христианства как религии, в отличие от язычества чреватой тоталитаризмом и имперскостью⁴. При этом перенесение столицы Константином Великим на Восток представлено как осуществление идеи империи, зародившейся уже на римской почве. Причем линейный принцип, по Бродскому отличительный и для христианства, и для империй, здесь трактуется как предпосылка тоталитаризма, поскольку лишает и человека уникальности: он становится не более чем песчинкой или каплей в телеологическом потоке истории. Выразителем линейной идеи, косвенно ответственным за случившееся, автор «Путешествия в Стамбул» считает Вергилия [Бродский 2001, V: 287–288].

С почтением относившийся к античной культуре, и в частности к поэтам золотого Августа века, Бродский тем не менее не удерживается от упрека

1 См. о ней: [Вайль, Генис 1986].

2 См.: [Херльт 2022: 218].

3 Англоязычная версия — «Flight from Byzantium».

4 В целом Бродский — поэт и эссеист ориентируется на иудео-христианскую традицию. О христианской культурной основе его творчества написано много работ. См. перечень основных исследований в моей статье: [Ранчин 2022: 590, примеч. 1].

в их адрес, вызванного сервильностью по отношению к царственному покровителю. А расширение *Pax Romana* он мыслит отнюдь не на имперский манер, — а как следствие путешествия в пространстве и времени, совершаемого отдельными личностями-творцами, но вовсе не как результат неостановимой поступи железных легионов. Автор в эссе «Letter to Horace» («Письмо Горацию», 1995) обращается к римскому поэту:

...так человек расширяет *Pax Romana*. С помощью снов, если необходимо.

Что, если вдуматься, есть еще одна — возможно, последняя — форма возрождения жизни, особенно если ты один. Она безразлична к цезарю... Хотя, повторяю, бесполезно говорить с тобой в таком тоне, поскольку твои чувства к нему ничуть не отличались от чувств Вергилия. Как и твои способы их выражения. Ты тоже возносишь славу Августа над человеческим горем <...> Да, ты прав: ничто так не порождает снобизма, как тирания [Там же, VII: 378] (пер. с англ. Елены Касаткиной).

Сюжет столкновения Империи с варварами, в котором имперское начало выступало бы хранителем цивилизации, в поэзии Бродского отсутствует. Напротив, в «*Post aetatem nostram*» представлена отвратительная сцена, в которой римский наместник избивает варварского царька [Там же, II: 397—398].

Признак злосчастного царя — не принадлежность к миру, противоположному цивилизации, а покорность римскому наместнику, ничем не отличающая его от других подданных империи. Мраморные «сатир и нимфа», персонифицирующие культуру, противопоставлены наместнику Рима, творящему расправу — то есть подлинное варварство. Носителем культуры здесь оказывается маргинал, «бродяга»-грек, — не варвар, но и не римлянин, а представитель колонизованного народа. Причем он бежит из Империи, которая в первой строке аттестована самым некомплементарным образом: «Империя — страна для дураков» [Там же: 397]. В стихотворении «*Anno Domini*» (1968) варвары — «вожди племен с стеклянными глазами» [Там же: 213] нарисованы как покорные союзники и подданные империи. А само существование варварского мира как антикультурной силы, угрожающей благополучию Империи, представлено едва ли не иллюзорным: римский Наместник «за стеной / всю ночь безмолвно борется с болезнью / и жжет огонь, чтоб различить врага», но враг — это не более чем недуг представителя имперской власти, да и тот «отступает» [Там же: 215].

На этом фоне выделяется стихотворение «К переговорам в Кабуле» (1992), где «жестоковейные гордые племена», неполиткорректно названные «козлами, воспитанными в Исламе», действительно воплощают варварское, антицивилизационное начало; однако им отнюдь не противопоставлена некая Империя как воплощение культуры: контрастируют с образом жизни кочевников «валюта» и «мерседес» [Там же, IV: 118]⁵.

Что касается реального, а не аллегорического Рима, то в поэзии 1981 года, отразившей впечатления Бродского от пребывания в Вечном городе, имперская тема никак не представлена. В «Пьяцца Маттеи» Рим характеризуется как «колыбель / Муз, Права, Граций, / где Назо и Вергилий пели, / вещал Гораций», как «вариант автопортрета» [Там же, III: 209], как обитель свободы («усталый раб — из той породы, / что зрим все чаще —/ под занавес глотнул свободы» [Там же: 211]) и как пространство творчества: «все ж не оставлена свобода, / чья дочь — словесность» [Там же: 212].

5 См. о нем: [Brodsky 2002].

Тема «Римских элегий» — «частная жизнь», любовь, искусство, творчество. «Рим, человек, бумага» (X элегия [Там же: 231]). Пространство Рима — это приватный локус; исконно имперский мотив раздвижения и охранения границ (*кордон, когорты*) превращен в метафору стихотворства:

Север! в огромный айсберг вмерзшее пианино,
 <...>
 десять бегущих пальцев милого Ашкенази.
 Больше туда не выдвигать кордона.
 Только буквы в когорты строит перо на Юге.
 И золотистая бровь, как закат на карнизе дома,
 поднимается вверх, и темнеют глаза подруги.
 (IX элегия [Там же])

Метафора *буквы — когорты*⁶, по-видимому, является вариацией метафоры *стихи — войска* из «вступления в поэму» Владимира Маяковского «Во весь голос»; ср.:

Поэмы замерли,
 к жерлу прижав жерло
 нацеленных
 зияющих заглавий
 Оружия
 любимейшего
 род
 готовая
 рванулся в гике,
 застыла
 кавалерия острог,
 поднявши рифм
 отточенные пики
 И все
 поверх зубов вооруженные войска,
 что двадцать лет в победах
 пролетали,
 до самого
 последнего листка
 я отдаю тебе,
 планеты пролетарий.
 [Маяковский 1955—1961, X: 282—283]⁷

-
- 6 Совсем иначе лексема *когорты* употребляется в более раннем стихотворении «Письмо генералу Z.» (1968), где характеризует имперский милитаризм: «Генерал! Только Время оценит вас, / ваши Канны, флеша, каре, когорты» [Бродский 2001, II: 222]. Стихотворение — отклик на ввод войск Варшавского договора в Чехословакию в 1968 году, но милитарный дискурс здесь представлен предельно обобщенно: *Канны* отсылают одновременно к Ганнибалу и к проигравшим битву римлянам, флеша — к Багратионовым флешам на поле Бородин, когорты — к армии Древнего Рима.
- 7 Метафора *буквы-когорты* также напоминает и о *войске песен* из хлебниковского стихотворения «Сегодня снова я пойду...»; ср.: [Хлебников 1986: 93].

Однако у Маяковского эти строки заряжены имперским пафосом в его революционной версии (планетарной победы пролетариата, что при переводе на язык политики означает в конечном счете советскую экспансию). В метафоре же из «Римских элегий», по-видимому, воплощен инвариантный для Бродского мотив преодоления, заполнения пустоты, небытия словом, который прямо декларирован в стихотворении «Похороны Бобо» (1972):

Идет четверг. Я верю в пустоту.
В ней как в Аду, но более херово.
И на пустое место ставит слово.

[Бродский 2001, III: 35]

Точно прокомментировал эти строки Павел Спиваковский:

Здесь на место «отсутствующего в реальности» мистического начала ставится слово (может быть, даже слово «логос»), и существование, таким образом, обретает символическую видимость смысла... [Спиваковский 2023: 207].

Собственно имперское величие Рима, грандиозность его завоеваний, впечатляющее расширение границ поэту глубоко безразличны. Как безразличны и имперские победы вообще, расширение границ. Показательно, что в стихотворении «На смерть Жукова» (1974), являющемся подражанием такому имперскому жанру, как торжественная ода, полностью исключен мотив восхваления за победы в чужих землях, за покорение. Дань признательности Жукову воздается только как полководцу оборонительной войны, «родину спасшему, вслух говоря» [Бродский 2001, III: 73].

Отношение к Риму у Бродского в период жизни в Советском Союзе и после эмиграции действительно во многом различно: если в доэмигрантской поэзии представлен Рим не как город, а как государство, причем ассоциирующееся с Советским Союзом как воплощением тоталитарного начала, то есть Рим скорее метафорический, чем настоящий, то в стихотворениях, написанных после 1972 года, это реальный город, причем воспринимаемый восторженно⁸.

Но Древний Рим не как город, а как империя описан Бродским с отвращением; структуру государства символизирует бюст императора-тирана Тиберия; тело империи отождествляется с туловищем ее правителя:

Все то, что ниже подбородка, — Рим:
провинции, откушники, когорты
плюс сонмы чмокающих твой шершавый
младенцев — наслаждение в ключе
волчицы, потчующей крошку Рема
и Ромула. (Те самые уста!
глаголющие сладко и бессвязно
в подкладке тоги.) В результате — бюст
как символ независимости мозга
от жизни тела. Собственного и
имперского. <...>

(«Бюст Тиберия», 1981 [Там же: 274])

---

8 См. об этом подробнее: [Ранчин 1993; 2001: 415–441; 2013].

Имперскому дискурсу, основанному на идее господства центра над периферией и раздвижения границ, Бродский, как справедливо заметил Йенс Херльт, Бродский противопоставил позицию «провинциала»:

Если выпало в империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря.
И от Цезаря далеко, и от вьюги.
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.
Говоришь, что все наместники — ворюги?
Но ворюга мне милей, чем кровопийца.
(«Письма римскому другу», 1972 [Там же: 11])

В стихотворении, посвященном рождению и жизни в Петербурге — Петрограде — Ленинграде, любимом городе поэта, подчеркнута его периферийное положение и демонстративно отброшены все элементы петербургского имперского дискурса, заданные Пушкиным во вступлении к «Медному всаднику»:

Я родился и вырос в балтийских болотах, подле
серых цинковых волн, всегда набегавших по две,
и отсюда — все рифмы, отсюда тот блеклый голос...
(«Я родился и вырос в балтийских болотах, подле...»
из цикла «Часть речи», 1975—1976 [Там же: 403])

Если у Пушкина «топь блат» и пустынные «неведомые воды» противопоставлены вознесшемуся по воле Петра Великого «юному граду, / Полночных стран красе и диву» [Пушкин 1948: 135—136], то у Бродского начертана картина местности в невиской дельте, какой она была до основания Петербурга. Значимо само положение города на окраине страны, у морского простора⁹. Как заметил позднее Бродский в интервью Соломону Волкову: «Лично мне чем Петр приятен? <...> ...он начисто отказался от этой утробной московской идеи» [Волков 2000: 293].

При этом имперское пространство мыслится Бродским как мертвящее, холодное: показательны *вьюга* как характеристика столицы империи в «Письмах римскому другу», мотив замерзания «в параднике Третьего Рима» [Бродский 2001, III: 58] в стихотворении «На смерть друга» (1973)¹⁰. Имперское пространство — замкнутое, закрытое, живое в нем мертвеет, превращается в мрамор и бронзу:

И не то чтобы здесь Лобачевского твердо блюдут,
но раздвинутый мир должен где-то сужаться, и тут —
тут конец перспективы.
(«Конец прекрасной эпохи», 1969 [Там же, II: 312])¹¹

9 По характеристике Юрия Лотмана, Петербург — это так называемый эксцентрический город. См.: [Лотман 1984].

10 *Третий Рим* понимается Бродским не в религиозно-исторнософском смысле, как исконно в теории старца Филофея (ср.: [Плюханова 1995: 238—241; Сеницына 1998; Флоровский 2009: 24—25]), а в политическом значении — как агрессивная мощная держава.

11 Лев Лосев, исходя из того, что этим стихам предшествуют строки «Красавице платье задрал, / видишь то, что искал, а не новые дивные дивы» [Бродский 2001, III: 311—312], полагает: «“Раздвинутый мир” сначала ограничивается пределами раздвинутых

Если вдруг забредаешь в каменную траву,
выглядящую в мраморе лучше, чем наяву,
иль замечаешь фавна, предавшегося возне
с нимфой, и оба в бронзе счастливее, чем во сне,
можешь выпустить посох из натруженных рук:
ты в Империи, друг.

Воздух, пламень, вода, фавны, наяды, львы,
взятые из природы или из головы, —
все, что придумал Бог и продолжать устал
мозг, превращено в камень или металл.
Это — конец вещей, это — в конце пути
зеркало, чтоб войти.

(«Торс», 1972 [Там же, III: 36])¹²

В тупик упирается и некий собирательный имперский поход, отсылающий к советской агрессии против Чехословакии: «Генерал! Я боюсь, мы зашли в тупик. / Это — месть пространства косою сажени» («Письмо генералу Z.», 1968 [Там же, II: 221]). Косая сажень в художественном мире Бродского эквивалентна сходящимся прямым линиям из геометрии Лобачевского.

Имперскому у Бродского противостоит отчетливо артикулируемая позиция частного человека, словами о которой поэт начал Нобелевскую лекцию (1987) [Там же, VI: 44]. Об отражении этой позиции в стихах писал Лев Лосев [Лосев 2008: 153]. В крайнем выражении этот мотив превращается в декларацию эскапизма в стихотворении «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку...» (1970 (?)). Также имперскому государству противопоставлена поэзия, к метафорической «державе» («Конец прекрасной эпохи», 1969 [Бродский 2001, II: 311]) которой принадлежит лирический герой Бродского.

Имперская колониальная политика наделяется Бродским относительным положительным смыслом только в случае, когда колонизируемые государство и социум содержат тоталитарное начало в его крайней форме, как это было у ацтеков¹³. «Все-таки лучше сифилис, лучше жерла / единорогов Кортеса...» [Там же, III: 100], — пишет он в стихотворении «К Евгению» из цикла «Мексиканский дивертисмент» (1975), противопоставляя окостенелости ацтекской цивили-

---

ног, а затем вовсе сходит на нет, как в конце перспективы, в “части женщины”. (Нельзя не отметить мастерское употребление анжамбемана, ритмически выделяющего повтор слова “тут” в финале строфы и таким образом воспроизводящего механический ритм *coitus’а*) [Лосев 2008: 237–238]. Думаю, что строки о «раздвинутом мире» имеют более общий, философский смысл, а повтор лексемы *тут* воспроизводит не механику совокупления, а тщетные попытки пробиться, протолкаться сквозь метафизический тупик.

12 Ср. в этой связи наблюдения Виктора Юхта о статуе и имперском пространстве у Бродского [Юхт 1995: 420–422].

13 Между прочим, подошлой оценки ввода советских войск в Афганистан как преступления в стихотворении «Стихи о зимней кампании 1980 года» (1980) является, несомненно, тоталитарная природа СССР, а не просто цивилизационное преступление — вторжение модерна в мир средневековья, как объясняет поэт в интервью Солomonу Волкову («антропологическое преступление», «как вторжение железного века в каменный» [Волков 2000: 56]. Вторжение испанских конкистадоров, которое Бродский в «Мексиканском дивертисменте» оправдывает, было аналогичным цивилизационным конфликтом.

лизации с ее человеческими жертвоприношениями испанских завоевателей, олицетворяющих мир истории, динамики. Ацтеки — носители «языка, не знавшего слова “или”» [Там же: 100]¹⁴. В другом тексте из «Мексиканского дивертисмента» — «1867» — Бродский иронически рисует революционера-антиколониалиста Хуареца (Хуареса) с его «гражданской позой» [Там же: 94]¹⁵. В обоих стихотворениях слышатся полемические отголоски строк «Мексики» Маяковского: «Тяжек испанских пушек груз. // Сквозь пальмы, / сквозь кактусы лез // <...> генерал Эрнандо Кортес. // <...> Хранят / краснокожих / двумордые идолы. // От пушек / не видно вреда» [Маяковский 1955—1961, VII: 44] и «Скорей / над мексиканским арбузом, // багровое знамя, взметнись!» [Там же: 48].

Санна Турома оценила образ освободившейся Мексики в цикле Бродского с позиций постколониальной критики: «Стратегии репрезентации, которые использует Бродский в цикле, представляют собой новое приятие евроимперского, так же как и русского имперского, знания для поэтического выражения столкновения с неевропейской территорией» [Тулома 2010: 92]. Примерно так же охарактеризовал образ мексиканского императора Максимилиана в стихотворениях «Гуернавака» и «1867» Андрей Десницкий: для Бродского «Максимилиан представляет Империю — законную, просвещенную Европейскую Империю, которую он пытался установить в Мексике, пусть эта империя ограничивалась стенами его королевский дворец и просуществовала всего несколько лет» [Desnitsky 2023]. Эту точку зрения оспорила Ольга Богданова: поэта «интересуют не проблемы колонизации/постколонизации, не аспекты социального или политического государственного устройства, но вопросы бытийные, экзистенциальные» [Богданова 2023: 157].

В действительности колониалистский дискурс в «Мексиканском дивертисменте» присутствует: он проявляется в высокомерном описании и оценке Мексики как нищей, необустроенной, «дикой» страны. Однако государство Максимилиана отнюдь не противопоставлено Мексиканской республике в качестве воплощения благотворного цивилизационного начала. Внедренные несчастным императором «хрусталь, шампанское, балы», которые «скрашивают быт» («Гуернавака» [Бродский 2001, III: 92]), — слишком мелкие вещи для вывода о правовом и просвещенном характере политики мексиканского императора из династии Габсбургов. Беспечно танцующий в ночном саду Максимилиан, словно не замечающий нависшей над ним угрозы, обрисован не апологетически, а с горькой иронией.

14 Ср. характеристику колониалистского сознания в эссе «Посвящается позвоночнику» (1978): «У белого человека вести себя нагло в других широтах основания как бы исторические, крестоносные, миссионерские, купеческие, имперские — динамические, одним словом» [Бродский 2001, VI: 65].

15 Роман Тименчик считает: «Это стихотворение о поэте, поддавшемся соблазну власти... Речь идет о совместительстве “нюхающего розы” с “гражданской позой”...», — относя эти строки, в частности, лично к императору Максимилиану, писавшему стихи [Тименчик 2002: 105] (ср.: [Тулома 2010: 100]). Ольга Богданова отвергает такую трактовку, полагая, что выражение *гражданская поза* отнесено к Хуарецу, а *презренье к ближнему* характеризует танцующего в саду с любовницей мексиканского императора [Богданова 2023: 163]. В данном случае я готов с ней согласиться: структура стихотворения «1867» строится на оппозиции *Максимильян (Максимилиан) — Хуарец (Хуарес)* и гедонист-император противопоставлен заговорщику, бесплатно раздающему пеонам «новые винтовки» [Бродский 2001, III: 94].

Образ Мексики, хотя она и не является азиатской страной, в трактовке Бродского вписывается в рамки оппозиции *Запад — Восток*. Томас Венцлова заметил о «Путешествии в Стамбул»: «Запад рассматривается как начало демократии, Восток — как начало автократии...» [Венцлова 2022: 204—205]. По характеристике Льва Лосева, «для Бродского Европа, начиная от ее эллинистического истока, это гармония (структурность), движение, жизнь. Азия — хаос (бесструктурность), неподвижность, смерть» [Лосев 2008: 160]. Отталкиваясь от анализа «Речи о пролитом молоке» (1967) и наблюдений над «Назиданием» (1987), Лев Лосев замечает:

Азия, ислам, татарщина у Бродского выступают как метафоры коллективизма не только в обществе, но и в индивидуальном сознании. Этому посвящена его большая вещь в прозе «Путешествие в Стамбул» (1985) — протест против отрицания «я» в пользу «мы», превращения людей в пыль [Там же: 163].

Москва, столица советской империи и метонимия всей страны, наделена в поэзии Бродского азиатскими чертами: «календарь Москвы заражен Кораном» («Речь о пролитом молоке»); «полумесяц плывет в запыленном оконном стекле / над крестами Москвы, как лихая победа Ислама» («Время года — зима. На границах спокойствие. Сны...», 1967—1970 [Бродский 2001, II: 179, 210])¹⁶.

Дж. Смит охарактеризовал упоминания Бродского об исламе как «параноидальную подозрительность и презрение Бродского ко всему мусульманскому» [Смит 2022: 174]. В концепции Эдварда Саида это вариант ориентализма, понимаемого как проявление колониалистского, имперского мировидения:

...попирающая массу материала общая совокупность идей, неоспоримо пропитанных идеей европейского превосходства, разного рода расизма, империализма и тому подобное, догматическими взглядами по поводу «восточного человека» как своего рода идеальной и неизменной абстракции [Саид 2006: 17] (пер. А.В. Говорунова).

Санна Турома уличила в нем Бродского — автора «Путешествия в Стамбул» [Турома 2010: 118—151]¹⁷. Существенно, однако, что у Бродского «ориентализм» основан именно на отрицании тоталитарного начала, которое как раз способно к экспансии (о его расползании и угрозе, исходящей от него западному миру, потенциально не чуждому тоталитарному соблазну, сказано подробно в эссе «Путешествие в Стамбул»). То есть этот «ориентализм» («ориентализм наоборот») заряжен, по крайней мере субъективно, именно антиимперским чувством. Кроме того, интересно, что Бродский совмещает при взгляде на азиатскую имперскость внешнюю и внутреннюю точки зрения, идентифицируя себя и как европейца, и как азиата [Лосев 2008: 164].

Андрей Десницкий, сравнивая несколько стихотворений Бродского, описывает своеобразный парадокс: «В этих стихотворениях есть различие, бросающееся в глаза уже при первом взгляде: Бродский приветствует независимость Литвы, одновременно отрицая те же права за украинцами и ацтеками. Что касается афганцев... его презрение еще более ощутимо», — выдвигая свою

16 Подробнее об этих атрибутах и об образе Москвы у Бродского см.: [Бараш 2023: 228—229; Loseff 1990: 41—42].

17 Ср. новейшее исследование имперской темы у Бродского в рамках postcolonial studies: [Zorattini 2024].

трактовку: «Предлагаемое объяснение — это концепция “Культурной Империи”, которую поэт считает высшим благом» [Desnitsky 2023]. Это суждение нуждается в корректировке. Поэт действительно желал независимости Литве, о чем в метафорической форме сказано в «Литовском ноктюрне» (1973 [1974?] — 1983¹⁸):

Полночь. Сойка кричит
человеческим голосом и обвиняет природу
в преступленьях термометра против нуля.
Витовт, бросивший меч и похеривший щит,
погружается в Балтику в поисках броду
к шведам. Впрочем, земля
и сама завершается молом, погнавшимся за
как по плоским ступенькам, по волнам
убежавшей свободой.

[Бродский 2001, III: 53]

Преступленья термометра против нуля — это перифрастическое именование заморозков, метафорически обозначающих политический климат в Советском Союзе¹⁹. По отношению к метрополии Литва, очевидно, мыслилась Бродским как европейский локус в полуазиатской деспотии. Однако его взгляд на перспективы развития получивших независимость бывших советских республик, в том числе и стран Балтии, был довольно пессимистичным, о чем свидетельствует пьеса «Демократия!» (ср.: [Лосев 2008: 262]). Тем более скептически оценены сепаратистские тенденции и настроения российских автономных республик в стихотворении «Подражание Горацию» (1992²⁰): из трюма аллегорического корабля — России раздается «визг республик». Но и будущее Российской Федерации видится поэту неясным и даже угрожающим: «Но ты, кораблик, чей кормщик Боря, / не отличай горизонт от горя. / Лети по волнам стать частью моря, / лети, лети» [Бродский 2001, IV: 156]. Ориентир — горизонт, неотличимый от *горя*²¹.

К распаду СССР Бродский отнесся с безразличием. Но «даже люди, хорошо его знавшие, были удивлены тем, как сильно его огорчило отделение Украи-

---

18 Датировку привожу в соответствии с указанием адресата стихотворения [Венцлова 1998: 206]. Между прочим, в этом стихотворении СССР именуется Империей: «Поздний вечер в Империи, / в нищей провинции» [Бродский 2001, III: 49]).

19 Ср. строку «В этих грустных краях все рассчитано на зиму» («Конец прекрасной эпохи» [Там же, II: 311]), имперскую *вьюгу* («Письма римскому другу» [Там же, III: 11]) и начальные стихи в самом «Литовском ноктюрне»: «Взбаламутивший море / ветер рвется как ругань с расквашенных губ / в глубь холодной державы» [Там же: 48].

20 Дата написания «Подражания Горацию» приводится по: [Хронология жизни и творчества... 2008: 406–407].

21 Лев Лосев аттестует «Подражание Горацию» как «веселое стихотворение», исполненное «энтузиазма», доказывая эту трактовку с помощью анализа интонации и рифмовки. Бродский действительно избрал «лихой, бесшабашный тон» [Лосев 2008: 265], однако стихотворение строится во многом именно на контрасте плана выражения и плана содержания, и лексема *горя* не случайно поставлена в сильную позицию рифмы в последнем катрене. Лейтмотив стихотворения — своеобразный акт экзистенциального риска, путешествие в поисках свободы, где процесс важнее сомнительного результата.

ны от России». «Стало очевидно», что «пространство от Белого до Черного моря, от Волги и до Буга» было в его сознании «единой родной страной» [Лосев 2008: 263]. Выражением этих настроений стало стихотворение «На независимость Украины» (1992?)²². На выступлении в Куинс Колледже 28 февраля 1994 года автор заметил, что произведение его побудила написать «“печаль... по поводу этого раскола” (“sadness... on behalf of that split”»)» [Там же: 264].

Приведем два фрагмента. Строфы четвертая и пятая:

Скажем им, звонкой матерью паузы метя, строго:
скатертью вам, хохлы, и рушником дорога.
Ступайте от нас в жупане, не говоря в мундире,
по адресу на три буквы на все четыре

стороны. Пусть теперь в мазанке хором Гансы
с ляхами ставят вас на четыре кости, поганцы.
Как в петлю лезть, так сообща, сук выбирая в чаще,
а курицу из борща грызть в одиночку слаще²³

И заключительный катрен:

С Богом, орлы, казаки, гетманы, вертухай!
Только когда придет и вам помирать, бугаи,
будете вы хрипеть, царапая край матраса,
строчки из Александра, а не брехню Тараса.

Андрей Краснящих, охарактеризовавший «На независимость Украины» как произведение, принадлежащее к особому «жанру брани», предположил, что стихотворение представляет или некий монтаж реплик условных персонажей, отнюдь не тождественных авторскому голосу, или же одну цельную реплику, но сказового типа, то есть тоже дистанцированную от авторского слова [Краснящих 2020].

Евгений Брейдо, видимо не знавший этой заметки, высказал ту же мысль о нетождественности позиции Бродского точке (точкам) зрения, представленным в тексте. Все высказывания якобы принадлежат разным речевым субъектам: сначала это голос либерально настроенного современного шведа; «далее в стихотворении слышно много голосов, и ни один из них не звучит как голос автора или хотя бы лирического героя. Да его здесь и нет, потому что это не лирическое стихотворение, а скорее небольшое драматическое произведение» [Брейдо 2023: 226]. Так, в процитированных выше мною четвертом и пятом катренах «звучит... голос... этакого русского имперского уродца», а в финале «можно расслышать голос поэта, книжника. Правда, словно в насмешку говорит он о превосходстве собственной культуры» [Там же: 228, 230].

---

22 Стихотворение было впервые прочитано автором на вечере в еврейском центре в Пало-Альто в Калифорнии 30 октября 1992 года [Лекманов 2023: примеч. 2]. О его датировке см.: [Хронология жизни и творчества... 2008: 407].

23 Здесь и далее стихотворение цитируется по авторизованному тексту из «Живого журнала» Натальи Горбаневской (запись от 17 мая 2008 года), присланному Валентиной Полухиной; см.: <https://ng68.livejournal.com/123368.html> (дата обращения: 15.04.2024).

Проведенные и Андреем Краснящих, и Евгением Брейдо параллели между «На независимость Украины» и «Представлением» (1986—1988²⁴) Бродского, действительно являющимся своеобразной драматической сценой, на что указывает уже само заглавие этого текста²⁵, бесосновательны: во втором стихотворении реплики персонажей маркированы, отделены друг от друга пунктуационно — с помощью кавычек. Ссылка на тот факт, что «украинское» стихотворение записано с голоса и его авторское пунктуационное оформление неизвестно, несостоятельна. Во-первых, смущение, испытываемое Бродским при чтении этого поэтического текста или при напоминании о нем, свидетельствует о принадлежности всех строк в произведении одному голосу, причем это голос, обозначенный местоимением первого лица *мы*, — авторский. Олег Лекманов в этой связи привел свидетельство Григория Фрейдина: Бродский «с шутливо виноватым лицом только рассмеялся»... но не стал говорить, что он в «мы» не входит» [Лекманов 2023: примеч. 3].

Во-вторых, в авторизованном тексте в «Живом журнале» Горбаневской никаких кавычек, выделяющих реплики разных персонажей, нет.

Для Евгения Брейдо одним из аргументов в пользу полисубъектности текста «На независимость Украины» является обращение к шведскому королю Карлу XII в начальных строках «Дорогой Карл Двенадцатый, сражение под Полтавой, / слава Богу, проиграно»: это обращение либерально настроенного шведа, уверенного, что отказ его страны от имперских амбиций и бремени, предопределенный этой «конфузией», способствовал благополучному развитию Швеции [Брейдо 2023: 224—226]. Возможность иной трактовки, исходящей из того, что здесь отражена русская, а не шведская точка зрения и что подразумевается проигрыш *новой Полтавы*²⁶, отождествляемый с отделением Украины от России, исследователь категорически отводит:

Если с точки зрения субъекта провозглашение независимости Украины равно проигрышу Полтавской битвы... то этот субъект — русский имперец. Но такой человек ни в коем случае не скажет, что сражение, «слава Богу, проиграно». Для него это драма, если не трагедия. Предположить во фразе иронию невозможно, поскольку с имперской точки зрения в данном случае она абсолютно неуместна... [Брейдо 2024: 288].

Однако приравнивание отделения Украины к возможному проигрышу Полтавской баталии совершенно необязательно должно принадлежать истовому имперцу, а странный оборот *слава Богу* в данном случае является вкраплением чужой точки зрения и чужой речи: *слава Богу* — с точки зрения шведской, исход Полтавской битвы оказался словно переигран Историей, Россия поте-

24 См. о датировке стихотворения: [Лосев 2011: 405—406].

25 О поэтике «Представления» см., например: [Ранчин 2023]. Здесь же указана основная литература.

26 Евгений Брейдо оспаривает трактовку, принадлежащую Дмитрию Кузьмину [Имперский текст в русской поэзии 2023: 252]. Однако с некоторыми нюансами эта интерпретация высказывалась и раньше [Лосев 2008: 264]. Допустимо и еще одно понимание, видящее в *проигранном сражении* именно Полтавскую битву, но предполагающее также русскую, а не шведскую точку зрения: «Хорошо, что Швеция в результате поражения лишилась возможности объединиться с Украиной и в итоге не переживала расставания с неблагодарной союзницей» [Павлов 2021: 463]. Эти истолкования Евгением Брейдо не учтены.

ряла Украину, куда некогда вторгся, но где потерпел фиаско Карл XII. В терминологии Михаила Бахтина это пример «двуголового слова» «активного типа (отраженного чужого слова)» [Бахтин 1994: 99].

Другим аргументом в пользу многосубъектности текста «На независимость Украины» для Евгения Брейдо является его полистиличность: наличие сленговых словечек, обилие бранной лексики, многочисленные украинизмы (*жменя, карбованец, рушник, Днипро* и др.). Присутствие украинизмов, по его мнению, свидетельствует об отражении в стихотворении точки зрения украинцев, ассоциирующих себя с российским имперством. Но в действительности сленговая, обсценная, просторечная лексика имеется в стихотворениях Бродского, моносубъектность которых несомненна (ср. хотя бы «Речь о пролитом молоке», «Разговор с небожителем», «На смерть друга» и др.). Не чурался поэт и украинизмов, причем в безусловно монологических поэтических текстах (ср.: [Славянский 2022: 681–682]). В «На независимость Украины» у такой стилистики может быть особый смысл: Лев Лосев предположил, что перемешивание «клишированных украинизмов» «со словами и выражениями из воровского арга» должно усиливать «ощущение незаконности, криминальности отделения Украины от России» [Лосев 2008: 263].

Категорическое утверждение Евгения Брейдо, что Бродский, этнический еврей, помнивший о своем еврействе, не мог назвать себя *кацапом* («Не нам, кацапам, их обвинять в измене»), также принять невозможно: автор «На независимость Украины» говорил о себе: «Я — русский поэт и еврей» (цит. по: [Там же: 138]), а потому такая самоидентификация вполне возможна, являясь опять-таки примером использования «чужого слова». Парадоксально здесь самоименование не Бродского, а собирательных русских (*нам*) *кацапами* — пренебрежительным украинским словцом.

Заключительную строфу стихотворения сам Евгений Брейдо считает репликой поэта, и у нас нет никаких оснований не считать ее выражением позиции автора. Справедлива мысль Ольги Бертельсен:

...сама логика, стиль и тон стихотворения привели его к неизбежному выводу о превосходстве русской культуры: поэзия Пушкина была первозданной, вечной и являлась манифестацией «высокой» культуры, тогда как поэзия Шевченко была фальшивой, неискренней и представляла собой обывательскую культуру... [Bertelsen 2015: 277].

Украинская культура и государственность представлены в стихотворении как ущербные и второсортные: «жовто-блакитный» флаг выглядит неудачной репликой шведского (но *без креста*), ткань на который предоставила *Канада*, будущее рисуется как подчинение *ляхам и ганцам*, то есть полякам и немцам, притязания на европейский путь — как несостоятельные. О том, что грубые строки в адрес украинцев принадлежат отнюдь не «русскому имперскому уродцу», а непосредственно автору, свидетельствует скрытая ироническая реминисценция из цветаевского стихотворения «Хочу у зеркала, где мать...» из цикла «Подруга»: «— Благословляю Вас на все / Четыре стороны!» [Цветаева 1994: 227] (у Бродского: «на все четыре»).

В целом же, как справедливо подчеркнул Сергей Завьялов, признать гипотезу, высказанную Евгением Брейдо, «мешает контекст творчества Бродского, для которого часто характерен агрессивный монолог, отвергающий все существующие конвенции» [Имперский текст в русской поэзии 2023: 243].

(«Представление», упоминаемое Андреем Краснящих и Евгением Брейдо как аналог «На независимость Украины», — раритетный для творчества поэта пример действительно полисубъектного текста.) Возражение Евгения Брейдо, упрекнувшего автора приведенной цитаты в декларативности [Брейдо 2024: 288], остается само не более чем декларацией. В стихотворении Бродского представлены не разные голоса, а различные модуляции одного и того же голоса. И голос это высокомерный, звучащий вызывающе-оскорбительно и порой по-хамски.

Как справедливо заметил Дмитрий Кузьмин, «от его прочтения как лирики первого лица» стихотворение Бродского отнюдь не делается имперским, так как

брань вслед освободившейся колонии так же несовместима с имперским дискурсом (основанном на представлении о недопустимости и неприемлемости такого освобождения, о необходимости ему противодействовать силой без ограничения срока давности), как брань вслед уходящей возлюбленной — с дискурсом насильника, который никому никуда уйти не позволит... [Имперский текст в русской поэзии 2023: 252].

Он напомнил, что

основой имперского ресентимента, как и вообще имперского дискурса, является представление о *благости* империи... Стихотворение Бродского исходит из прямо противоположной посылки: имперское общее прошлое ужасно («как в петлю лезть»), не дай бог туда вернуться (да и как вернуться, если мы, оглядываясь, видим лишь руины!), но почему строить на этих руинах что-то новое и осмысленное нужно непременно поврозь?» [Там же]²⁷.

У России и Украины общая историческая вина (самоубийственность советской *петли*, в которую они *влезли*²⁸. Отречение от досоветского прошлого, от досоветской культуры трактуется как измена христианской цивилизации («Не нам, кацапам, их обвинять в измене. / Сами под образами семьдесят лет в Рязани / с залитыми глазами жили, как при Тарзане»)²⁹; в свою очередь, декларация

27 На трактовку Бродским объявления Украиной независимости как ухода возлюбленной указывалось и раньше, см.: [Демчиков 2015].

28 *Вертухай* в стихотворении совершенно не обязательно означают украинских прислужников немецких нацистов, как убежден Павлов [Павлов 2021: 474–475]. Этим словом обозначались на советском тюремном жаргоне надзиратели. Ср.: «...еще прочухивается тюремное начальство — и только бодрствует вертухай, ежеминутно отклоняющий щиток глазка» («Архипелаг ГУЛаг», ч. 1, гл. 5) Как поясняет Солженицын: «Говорили, что это пошло от надзирателей-украинцев: “стой, а не вертухайсь!”» [Солженицын 2010: 187]. У Бродского здесь, конечно же, аллюзия (видимо, через указание на солженицынский текст) на советские репрессии и причастность к ним украинцев, забывших о своей вине.

29 Рязань здесь, конечно, не аллюзия на так называемую измену Олега Рязанского, как полагает Олег Лекманов [Лекманов 2023] (это маргинальный и очень давний сюжет, не имеющий отношения к российско-украинским отношениям), а метонимия глубинной, «кондовой» России, на что указал его критик [Жолобродов 2023]. (При этом принять тон его критики и общие выводы я считаю невозможным.) *Образа* не противопоставлены советскому отступничеству от цивилизации (*с залитыми глазами*), как считает Павлов [Павлов 2021: 469], а являются составной частью этого «варварского» существования, возможно, как проявление обрядоверия. В поэзии

украинской независимости мыслится как отречение от этой общей вины и в этом смысле как еще одна измена (намек на это — описание украинского флага: «даром, что без креста: но хохлам не надо»). Упоминание о Конотопе, над которым развевается украинское знамя, может отсылать не только к конотопской битве 1659 года³⁰, проигранной Россией украинским войскам гетмана Ивана Выговского, разорвавшего договор с Москвой. Это еще и напоминание о Конотопе как о пограничном городе между Украиной (Речью Посполитой) и Россией начиная с XVII века [Лазаревский 1893: 206] и как о городе, где было 2 апреля 1649 года торжественно встречено московское посольство Унковского [Воссоединение Украины с Россией... 1953: 168], приезд которого знаменовал начало процесса присоединения Украины к Московскому царству. Наконец, под этим городом были подписаны 12 июня 1672 года так называемые Конотопские статьи — договор, определивший отношения Гетманщины и России. *Без креста* может быть еще и намеком на нарушение присяги (крестоцелования), данной на Переяславской раде 1654 года.

Имперскость в «На независимость Украины» проявляется не в политическом, а в культурном аспекте — как признание неполноценности украинской культуры³¹. (Политический уход Украины понимается как культурный разрыв, как отречение от общих культурных ценностей.) Это имперский взгляд, но особого рода. Механизм этой, в данном случае непреодоленной, имперскости достаточно нетривиален. Прежде всего он основан на «культе русского языка как универсального поэтического языка», который «понимался И. Бродским при его последовательном неприятии советского строя как явление, опосредованное национальной идеей и неразрывно связанное с ней» [Савицкий 2024: 165]³². Точнее было бы сказать, что язык и является для поэта национальной идеей. Об этом свидетельствует, в частности, раннее стихотворение «Народ» (1964)³³. Украинский язык, по мнению Бродского, не породивший таких шедевров, как русский, этим высоким статусом не обладает. Самоидентификация поэта с русским языком косвенным образом предопределила корреляцию его творчества с русской государственностью, с русским пространством. Корреля-

---

Бродского образа упоминаются только в пейоративном контексте («Пятая годовщина (4 июня 1977)», «Представление»). Поэт был равнодушен к православию и признавался в тяготении к кальвинизму [Бродский 2000: 467, 628—629, 668]. Не исключена, впрочем, справедливость другой догадки Павлова, что *образа* в «На независимость Украины» — это метафора, обозначающая портреты советских вождей [Павлов 2021: 470].

30 Так считают практически все комментаторы стихотворения.

31 Можно согласиться с утверждением: «В его глазах западная политическая ориентация Украины является изменой родной для нее русской культуре. Бродский исповедует не имперские взгляды в их политическом смысле, а то, что польский поэт Адам Загаевский назвал у него “аристократическим шовинизмом русской культуры”» [Павлов 2021: 477]. Ср.: [Загаевский 2020]. Однако утверждение Павлова «В анализируемом тексте Бродский разделяет ценности православно-державного направления русской мысли, но трактовать его взгляды как имперские невозможно» совершенно несостоятельно. Во-первых, «православно-державное» и есть вариант имперского. Во-вторых, идеи этого направления поэту были совершенно чужды: достаточно вспомнить реплику, которую произносит «некто православный» в «Представлении» [Бродский 2001, III: 299].

32 Ср. о понимании Бродским креативной роли языка: [Ахапкин 2000; Polukhina 1989: 60—66, 169—182].

33 См. о нем: [Лосев 2010].

ция эта проявлялась в стихотворениях, написанных в Советском Союзе, безусловно негативно, как реализация модели гонимого пророка, который в своей значимости и силе может быть признан равным имперской мощи: его *второсортная держава* вступает в конфликт с государством, чреватый казнью: «Неповинной главе всех и дел-то, что ждаты топора / да зеленого лавра» («Конец прекрасной эпохи» [Бродский 2001, II: 311, 312]). Сильное чувство лирического героя соотносится с имперским началом: «Глушеною рыбой всплывая со дна, / кочуя, как призрак — по тремам, / как тело, истлевшее прежде рядна, / как тень моя, взапуски с небом, / повсюду начнет возвещать обо мне / тебе, как заправский мессия, / и корчится будут на каждой стене / в том доме, чья крыша — Россия» («Отказом от скорбного перечня — жест...», 1967 [Там же: 194]), «Любовь — имперское чувство» («Прощайте, мадемуазель Вероника», 1967 [Там же]).

Противостояние стихотворца и империи Бродский называет «архетипической драмой» (эссе «Сын цивилизации» [Там же, V: 95], пер. Д. Чекалова). В поэзии эмигрантского периода мотив гонимого поэта исчезает, но сохраняется мотив соотношенности поэта и империи, в самой протяженности которой усматривается величие: «Восточный конец Империи погружается в ночь» — о Соединенных Штатах Америки («Колыбельная Трескового мыса» [Там же, II: 81]), «Я, пасынок державы дикой / с разбитой мордой, / другой, не менее великой / приемш гордый» («Пьяцца Маттеи» [Там же, III: 209]). Показателен интерес поэта к таким категориям, как время и пространство, взятым в их предельной абстракции, соотносящимся с многовековой культурной историей и с большим, имперским пространством. Величие поэзии и языка реализовывалось в стихотворениях Бродского посредством использования пространственной модели, в которой взгляд лирического «я» или существа, это «я» манифестирующего, «парит» над миром («Осенний крик ястреба», 1975; «К Урании», 1982), а его взгляд, размыкая оком, как бы наделяет его смыслом, существованием. Похожая организация пространства характерна для торжественной оды:

Вертикальный ужас лирического подъема разрешается в компенсаторной и преобразующей идентификации с горизонтальным простираем российской мощи. Таким образом, опыт поэтического вдохновения представлен как аналог политической власти, которую он затем описывает: безличной, абсолютной, как видение, которое парит, чтобы охватить расширяющуюся сферу. Это пространственное сочленение двух осей, а также психические и исторические энергии, которые оно объединяет, обеспечивает основу имперского величия [Ram 2003: 5]³⁴.

Целостность ядра российского имперского пространства для Бродского обеспечивалась культурным единством. В этом отношении восприятие поэтом Украины и украинской культуры оказывается внутренне противоречивым: с одной стороны, они мыслятся как органическая часть метрополии, а не как объект колонизации; с другой стороны, украинская культура с имперской точки зрения экзотизируется и признается неполноценной. В этом принципиальное отличие от восприятия Бродским, например, ацтекской цивилизации, ко-

34 Ср. в этой связи работу Р. Циркина-Садана, в которой осмысление Бродским пространства трактуется в контексте русского имперского литературного дискурса [Tsirkin-Sadan 2021].

торая трактуется как варварская и тоталитарная и разрушение которой колонизаторами-завоевателями оценивается как благо. Или от трактовки ввода советских войск в Афганистан, описываемого как вторжение тоталитарной власти в чужое пространство.

Имперское начало поддерживалось в культурном сознании Бродского впечатлениями от Петербурга, о котором он писал как о «гигантском воплощении совершенного порядка вещей», порождающем прекрасную поэзию (эссе «Сын цивилизации» [Бродский 2001, V: 98]). Показательно не лишённое восторга отношение к Петру Великому именно как к основателю Петербурга, при этом именуемому государем [Волков 2000: 293].

Таким образом, имперское начало в творчестве Бродского не было полностью преодолено. Однако имперскость у поэта лишена собственно политического элемента, оппозиционна по отношению к тоталитаризму, свободна от апелляции к истории и от искушения историософскими соблазнами³⁵. Воспоминание о прошлом является у него не основанием для пестования национальной гордыни, а напоминанием об исторической вине. Позиция Бродского практически лишена традиционных элементов русского имперского дискурса.

Библиография / References

- [Ахапкин 2000] — *Ахапкин Д.* Лингвистическая тема в статьях и поэзии Иосифа Бродского о литературе // *Russian Literature*. 2000. Vol. XLVII. No. 3—4. P. 435—447.
- (*Akhapkin D.* Lingvisticheskaya tema v stat'yakh i poezii I. Brodskogo o literature // *Russian Literature*. 2000. Vol. XLVII. No. 3—4. P. 435—447.)
- [Бараш 2023] — *Бараш О.* «Лучший вид на этот город...»: Москва глазами Иосифа Бродского // *И.А. Бродский: pro et contra: Антология / Сост. О.В. Богдановой, А.Г. Степанова: [В 2 т.]. Т. 2. Иосиф Бродский в мировой культуре.* СПб.: РХГА, 2023. С. 227—244.
- (*Barash O.* "Luchshiy vid na etot gorod...": Moskva glazami Iosifa Brodskogo // *I.A. Brodskiy: pro et contra: Antologiya / Comp. by O.V. Bogdanova, A.G. Stepanov: [In 2 vols.]. Vol. 2. Iosif Brodskiy v mirovoy kul'ture.* Saint Petersburg, 2023. P. 227—244.)
- [Бахтин 1994] — *Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского. 5-е изд., доп. Киев: NEXТ, 1994.
- (*Bakhtin M.M.* Problemy tvorchestva Dostoevskogo. 5th ed., add. Kiev, 1994.)
- [Богданова 2023] — *Богданова О.* Поэтический цикл И. Бродского «Мексиканский дивертисмент» // *И.А. Бродский: pro et contra: Антология / Сост. О.В. Богдановой, А.Г. Степанова: [В 2 т.]. Т. 2. Иосиф Бродский в мировой культуре.* СПб.: РХГА, 2023. С. 148—184.
- (*Bogdanova O.* Poeticheskiy tsikl I. Brodskogo "Meksikanskiy divertisment" // *I.A. Brodskiy: pro et contra: Antologiya / Comp. by O.V. Bogdanova, A.G. Stepanov: [In 2 vols.]. Vol. 2. Iosif Brodskiy v mirovoy kul'ture.* Saint Petersburg, 2023. P. 148—184.)
- [Брейдо 2023] — *Брейдо Е.* Комментарий к стихам Бродского «На независимость Украины» // *Новое литературное обозрение*. 2023. № 183. С. 223—232.

35 Между прочим, показательна в этой связи пристрастная и крайне резкая оценка Тютчева-поэта как «верноподданного» и «холуя»: «Тютчев имперские сапоги не просто целовал — он их лобзал» [Волков 2000: 51]. Верноподданнических стихотворений у Тютчева практически нет; Бродский, видимо, подразумевает его историософские стихотворения с панславистской идеей, в которых представлена мессианская роль Российской империи в славянском мире.

- (Breido E. Kommentariy k stikham Brodskogo "Na nezavisimost' Ukrainy" // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2024. No. 183. P. 223—232.)
- [Брейдо 2024] — Брейдо Е. К дискуссии об имперскости в русской литературе (ответ оппонентам) // *Новое литературное обозрение*. 2024. № 185. С. 285—290.
- (Breido E. K diskussii ob imperskosti v russkoy literature (otvet opponenam) // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2024. No. 185. P. 285—290.)
- [Бродский 2000] — Бродский И. Большая книга интервью / Сост. В. Полухина. М.: Захаров, 2000.
- (Brodskiy I. Bol'shaya kniga interv'y u / Comp. by V. Polukhina. Moscow, 2000.)
- [Бродский 2001] — Бродский И. Сочинения: В VII т. / Сост. Г.Ф. Комаров. СПб.: Пушкинский фонд, 2001.
- (Brodskiy I. Sochineniya: In VII vols. / Comp. by G.F. Komarov. Saint Petersburg, 2001.)
- [Вайль, Генис 1986] — Вайль П., Генис А. От мира — к Риму // *Поэтика Иосифа Бродского: Сборник статей* / Под ред. Л.В. Лосева. Тенафлу, N.J.: Эрмитаж, 1986. С. 198—206.
- (Vail' P., Genis A. Ot mira — k Rimu // *Poetika Iosifa Brodskogo: Sbornik statey* / Ed. by L.V. Losev. Tenafly, N. J., 1986. P. 198—206.)
- [Венцлова 1998] — Венцлова Т. О стихотворении Иосифа Бродского «Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова» // *Новое литературное обозрение*. 1998. № 33. С. 206—222.
- (Venclova T. O stikhotvorenii Iosifa Brodskogo "Litovskiy noktyurn: Tomasu Ventslova" // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1998. No. 33. P. 206—222.)
- [Венцлова 2022] — Венцлова Т. Путешествие из Петербурга в Стамбул // И.А. Бродский: pro et contra: Антология / Сост. О.В. Богдановой, А.Г. Степанова: [В 2 т.]. Т. 1. СПб.: РХГА, 2022. С. 194—207.
- (Venclova T. Puteshestvie iz Peterburga v Sтамбул // I.A. Brodskiy: pro et contra: Antologiya / Comp. by O.V. Bogdanova, A.G. Stepanov: [In 2 vols.]. Vol. 1. Saint Petersburg, 2022. P. 194—207.)
- [Волков 2000] — Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Независимая газета, 2000.
- (Volkov S. Dialogi s Iosifom Brodskim. Moscow, 2000.)
- [Воссоединение Украины с Россией... 1953] — Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы: В 3 т. Т. 2. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953.
- (Vossoedinenie Ukrainy s Rossiey. Dokumenty i materialy: In 3 vols. Vol. 2. Moscow, 1953.)
- [Демчиков 2015] — Демчиков В. «На независимость Украины» как главное стихотворение Бродского // *Гефтер*. 2015. 8 июня (<http://gefter.ru/archive/15397> (дата обращения: 15.03.2024)).
- (Demchikov V. "Na nezavisimost' Ukrainy" kak glavnoe stikhotvorenie Brodskogo // *Gefter*. 2015. June 8 (<http://gefter.ru/archive/15397> (accessed: 15.03.2024)).)
- [Загаевский 2020] — Загаевский А. «О Иосифе Бродском, вразброс» // *Звезда*. 2020. № 5 (<https://magazines.gorky.media/zvezda/2020/5/o-iosife-brodskom-vrazbros.html> (дата обращения: 17.03.2024)).
- (Zagaewskiy A. "O Iosife Brodskom, vrazbros" // *Zvezda*. 2020. No. 5 (<https://magazines.gorky.media/zvezda/2020/5/o-iosife-brodskom-vrazbros.html>) (accessed: 17.03.2024).)
- [Имперский текст в русской поэзии 2023] — Имперский текст в русской поэзии: Анкета // *Новое литературное обозрение*. 2023. № 183. С. 233—260.
- (Imperskiy tekst v russkoy poezii: Anketa // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2023. No. 183. P. 233—260.)
- [Колобродов 2023] — Колобродов А. «Независимость Украины» и зависимость от тенденции: перетягивание Бродского. 2023. 5 июня (<https://vnnews.ru/nezavisimost-ukrainy-i-zavisimos/> (дата обращения: 13.03.2024)).
- (Kolobrodov A. "Nezavisimost' Ukrainy" i zavisimost' ot tendentsii: peretyagivanie Brodskogo. 2023. June 5 (<https://vnnews.ru/nezavisimost-ukrainy-i-zavisimos/>) (accessed: 13.03.2024).)
- [Краснящих 2020] — Краснящих А. Гой ты рушник, карбованец // *Ex Libris НГ*. 2020. 20 мая (https://www.ng.ru/ng_exlibris/2020-05-20/12_1030_ukraine.html (дата обращения: 16.03.2024)).
- (Krasnyashchikh A. Goy ty rushnik, karbovanets // *Ex Libris NG*. 2020. May 20 (https://www.ng.ru/ng_exlibris/2020-05-20/12_1030_ukraine.html) (accessed: 16.03.2024).)
- [Лазаревский 1893] — Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления: [В 3 т.]. Т. 2. Киев, 1893.
- (Lazarevskiy A.M. Opisanie staroy Malorossii. Materialy dlya istorii zaseleniya, zemlevladieniya i upravleniya: [In 3 vols.]. Vol. 2. Kiev, 1893.)
- [Лекманов 2023] — Лекманов О. «Нам» и «нас» в стихотворении Бродского «На независимость Украины» // *Волга*. 2023. № 5 (<https://magazines.gorky.media/volga/2023/5/nam-i-nas-v-stikhotvorenii-brodskogo-na-nezavisimost-ukrainy.html> (дата обращения: 10.03.2024)).
- (Lekmanov O. "Nam" i "nas" v stikhotvorenii Brodskogo "Na nezavisimost' Ukrainy" // *Volga*. 2023. No. 5 (<https://magazines.gorky.media/>

- volga/2023/5/nam-i-nas-v-stihotvorenii-brodskogo-na-nezavisimost-ukrainy.html (accessed: 10.03.2024))
- [Лосев 2008] — *Лосев Л.* Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 2008.
- (*Losev L.* Iosif Brodskiy: Opyt literaturnoy biografii. 3rd ed. Moscow, 2008).
- [Лосев 2010] — *Лосев Л.* О любви Ахматовой к «народу» // *Лосев Л.* Солженицын и Бродский как соседи. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. С. 102—125.
- (*Losev L.* O lyubvi Akhmatovoy k "narodu" // *Losev L.* Solzhenitsyn i Brodskiy kak sosed. Saint Petersburg, 2010. P. 102—125.)
- [Лосев 2011] — *Лосев Л.* Примечания // Бродский И. Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Сост. Л.В. Лосева. Т. 2. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Вита нова, 2011. С. 329—539.
- (*Losev L.* Primechaniya // Brodskiy I. Stikhotvoreniya i poemy: In 2 vols. / Comp. by L. Losev. Vol. 2. Saint Petersburg, 2011. P. 329—539.)
- [Лотман 1984] — *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту: Тартуский государственный университет, 1984. Вып. 664. С. 30—45.
- (*Lotman Ju.M.* Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda // Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Tartu, 1984. Iss. 664. P. 30—45.)
- [Маяковский 1955—1961] — *Маяковский В.В.* Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Художественная литература, 1955—1961.
- (*Mayakovskiy V.V.* Polnoe sobranie sochineniy: In 13 vols. Moscow, 1955—1961.)
- [Павлов 2021] — *Павлов С.Г.* «На независимость Украины» И.А. Бродского в контексте украинской евроинтеграции // Труды Нижегородской духовной семинарии. Сборник работ преподавателей и студентов. Вып. 19. Н. Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2021. С. 455—480.
- (*Pavlov S.G.* "Na nezavisimost' Ukrainy" I.A. Brodskogo v kontekste ukrainskoy evrointegratsii // Trudy Nizhegorodskoy dukhovnoy seminarii. Sbornik rabot prepodavateley i studentov. Iss. 19. Nizhniy Novgorod, 2021. P. 455—480.)
- [Плюханова 1995] — *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995.
- (*Plyukhanova M.B.* Syuzhety i simvolyy Moskovskogo tsarstva. Saint Petersburg, 1995.)
- [Пушкин 1948] — *Пушкин <А.С.>* Полное собрание сочинений, 1837—1937: В 16 т. Т. 5. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
- (*Pushkin <A.S.>* Polnoe sobranie sochineniy, 1837—1937: In 16 vols. Vol. 5. Moscow; Leningrad, 1937—1959.)
- [Ранчин 1993] — *Ранчин А.М.* «Римский текст» Иосифа Бродского // Russian Literature. 1993. Vol. XXXIV. № 3. P. 471—486.
- (*Ranchin A.M.* "Rimskiy tekst" Iosifa Brodskogo // Russian Literature. 1993. Vol. XXXIV. No. 3. P. 471—486.)
- [Ранчин 2001] — *Ранчин А.М.* «На пиру Мнемозины»: Интертексты Иосифа Бродского. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
- (*Ranchin A.M.* "Na piru Mnemoziny": Interteksty Iosifa Brodskogo. Moscow, 2001.)
- [Ранчин 2013] — *Ранчин А.М.* «Рим» как концепт в поэзии И. Бродского // Диалог культур: «Итальянский текст» в русской литературе и «русский текст» в итальянской литературе: Материалы международной научной конференции (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 9—11 июня 2011 г.). М.: Инфотех, 2013. С. 225—231.
- (*Ranchin A.M.* "Rim" kak kontsept v poezii I. Brodskogo // Dialog kul'tur: "Ital'yanskiy tekst" v russkoy literature i "russkiy tekst" v ital'yanskoy literature: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN, 9—11 iyunya 2011 g.). Moscow, 2013. P. 225—231.)
- [Ранчин 2022] — *Ранчин А.М.* Философская традиция Иосифа Бродского // И.А. Бродский: pro et contra: Антология / Сост. О.В. Богдановой, А.Г. Степанова: [В 2 т.]. Т. 1. СПб.: РХГА, 2022. С. 566—594.
- (*Ranchin A.M.* Filosofskaya traditsiya Iosifa Brodskogo // I.A. Brodskiy: pro et contra: Antologiya / Comp. by O.V. Bogdanova, A.G. Stepanov: [In 2 vols.]. Vol. 1. Saint Petersburg, 2022. P. 566—594.)
- [Ранчин 2023] — *Ранчин А.* От мистерии к балагану: «Шествие» и «Представление» Иосифа Бродского // Новый мир. 2023. № 7. С. 198—209.
- (*Ranchin A.* Ot misterii k balaganu: "Shestvie" i "Predstavlenie" Iosifa Brodskogo // Novyy mir. 2023. No. 7. P. 198—209.)
- [Савицкий 2024] — *Савицкий С.* Что знает кириллица? Идея поэтического языка в «Эклоге 4-й» и эссе И. Бродского // Новое литературное обозрение. 2024. № 185. С. 163—174.
- (*Savitskiy S.* Chto znaet kirillitsa? Ideya poeticheskogo yazyka v "Ekloge 4-y" i esse I. Brodskogo // Novoe literaturnoe obozrenie. 2024. No. 185. P. 163—174.)
- [Саид 2006] — *Саид Э.* Ориентализм: Западные концепции Востока / Пер. с англ.

- А.В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006.
- (Said E. Orientalism. Saint Petersburg, 2006. — In Russ.)
- [Синицына 1998] — Синицына Н.В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М.: Индрик, 1998.
- (Sinityna N.V. Tretyi Rim: Istoki i evolyutsiya russkoy srednevekovoy kontseptsii. Moscow, 1998.)
- [Славянский 2022] — Славянский Н. Твердая вещь. Борьба за стиль // И.А. Бродский: pro et contra: Антология / Сост. О.В. Богдановой, А.Г. Степанова: [В 2 т.]. Т. 1. СПб.: РХГА, 2022. С. 679—687.
- (Slavyanskiy N. Tverdaya veshch'. Bor'ba za stil' // I.A. Brodskiy: pro et contra: Antologiya / Comp. by O.V. Bogdanova, A.G. Stepanov: [In 2 vols.]. Vol. 1. Saint Petersburg, 2022. P. 679—687.)
- [Смит 2022] — Смит Дж. Иосиф Бродский: взгляд иностранного современника // И.А. Бродский: pro et contra: Антология / Сост. О.В. Богдановой, А.Г. Степанова: [В 2 т.]. Т. 1. СПб.: РХГА, 2022. С. 164—175.
- (Smit Dzh. Iosif Brodskiy: vzglyad inostrannogo sovremennika // I.A. Brodskiy: pro et contra, antologiya / Comp. by O.V. Bogdanova, A.G. Stepanov [In 2 vols.]. Vol. 1. Saint Petersburg, 2022. P. 164—175.)
- [Солженицын 2010] — Солженицын А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 4. М.: Время, 2010.
- (Solzhenitsyn A.I. Sbranie sochineniy: In 30 vols. Vol. 4. Moscow, 2010.)
- [Спиваковский 2023] — Спиваковский П. Образы пост-смерти в поэзии Иосифа Бродского // И.А. Бродский: pro et contra: Антология / Сост. О.В. Богдановой, А.Г. Степанова: [В 2 т.]. Т. 2. Иосиф Бродский в мировой культуре. СПб.: РХГА, 2023. С. 202—211.
- (Spivakovskiy P. Obrazy post-smerti v poezii Iosifa Brodskogo // I.A. Brodskiy: pro et contra: Antologiya / Comp. by O.V. Bogdanova, A.G. Stepanov: [In 2 vols.]. Vol. 2. Iosif Brodskiy v mirovoy kul'ture. Saint Petersburg, 2023. P. 202—211.)
- [Тименчик 2002] — Тименчик Р. «1867» (1975) // Как работает стихотворение Бродского: Сборник статей / Ред.-сост. Л.В. Лосев и В.П. Полухина. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 100—107.
- (Timenchik R. "1867" (1975) // Kak rabotaet stikhotvorenie Brodskogo: Sbrnik statey / Ed. by L.V. Losev i V.P. Polukhina. Moscow, 2002. P. 100—107.)
- [Херльт 2022] — Херльт Й. «В ожидании варваров»: Бродский и границы эстетике // И.А. Бродский: pro et contra: Антология / Сост. О.В. Богдановой, А.Г. Степанова. Т. 1. СПб.: РХГА, 2022. С. 208—224.
- (Kherlt' Y. "V ozhidanii varvarov": Brodskiy i granitsy estetiki // I.A. Brodskiy: pro et contra: Antologiya / Comp. by O.V. Bogdanova, A.G. Stepanov. Vol. 1. Saint Petersburg, 2022. P. 208—224.)
- [Хлебников 1986] — Хлебников В. Творения / Сост. В.П. Григорьева и А.Е. Парниса. М.: Советский писатель, 1986.
- (Khlebnikov V. Tvoreniya / Comp. by V.P. Grigor'ev and A.E. Parnis. Moscow, 1986.)
- [Хронология жизни и творчества... 2008] — Хронология жизни и творчества И.А. Бродского / Сост. В.П. Полухиной при уч. Л.В. Лосева // Лосев Л. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 323—424.
- (Khronologiya zhizni i tvorchestva I.A. Brodskogo / Comp. by V.P. Polukhina with the part. by L.V. Losev // Losev L. Iosif Brodskiy: Opyt literaturnoy biografii. 3rd ed. Moscow, 2008. P. 323—424.)
- [Флоровский 2009] — Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009.
- (Florovskiy G., prot. Puti russkogo bogosloviya. Moscow, 2009.)
- [Цветева 1994] — Цветаева М.И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. М.: Эллис Лак, 1994—1995.
- (Tsvetaeva M.I. Sbranie sochineniy: In 7 vols. Vol. 1. Moscow, 1994.)
- [Юхт 1995] — Юхт В. К проблеме генезиса статуйного мифа в поэзии Иосифа Бродского (1965—1971 гг.) // Russian Literature. 1995. Vol. XLIV. P. 409—432.
- (Juht V. K probleme genезisa statuarnogo mifa v poezii Iosifa Brodskogo (1965—1971 gg.) // Russian Literature. 1995. Vol. XLIV. P. 409—432.)
- [Bertelsen 2015] — Bertelsen O. Joseph Brodsky's Imperial Consciousness // Scripta Historica. 2015. No. 21. P. 263—289.
- [Brodsky 2002] — Joseph Brodsky, "On the Talks in Kabul": A Forum on Politics in Poetry // The Russian Review. 2002. Vol. 61. No. 2. P. 85—219.
- [Desnitsky 2023] — Desnitsky A. De-imperializing Joseph Brodsky: "On the independence of Ukraine" and other poems // Studies in East European Thought. 2023. October (https://www.researchgate.net/publication/374872385_De-imperializing_Joseph_Brodsky_On_the_independence_of_Ukraine_and_other_poems) (accessed: 10.03.2024).
- [Loseff 1990] — Loseff L. Poetics/Politics // Brodsky's Poetics and Aesthetics / Ed. by L. Loseff and V. Polukhina. Basingstoke (Hants.); London: MacMillan Press, 1990. P. 34—55.

- [Polukhina 1989] — *Polukhina V.* Joseph Brodsky: A Poet for Our Time. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- [Ram 2003] — *Ram H.* The Imperial Sublime. A Russian Poetics of Empire. Madison, Wisconsin, 2003.
- [Tsirkin-Sadan 2021] — *Tsirkin-Sadan R.* Genre and Politics: The Concept of Empire of Joseph Brodsky's Work // Partial Answers. 2021. Vol. 19. No. 1. P. 119—143.
- [Turoma 2010] — *Turoma S.* Brodsky Abroad: Empire, Tourism, Nostalgia. Madison: The University of Wisconsin Press, 2010.
- [Zorattini 2024] — *Zorattini J.* You Are in the Empire, Friend: The Legacy of the Russian Imperial Narrative in the Poetry of Joseph Brodsky // Bakhtiniana: Revista de Estudos do Discurso. 2024. Vol. 19. No 2 (<https://www.scielo.br/bak/a/VpzTjmtq8HhYpYcDZznRw5L/?lang=en> (accessed: 10.03.2024)).